

Къ спору объ украинской культурѣ.

П. Струве. Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ. Отвѣтъ Украинцу („Русская Мысль“, 1912 г., кн. 1).

Неизвѣстный авторъ, подписавшійся „Украинцемъ“, въ открытомъ письмѣ къ П. Б. Струве („Р. Мысль“, 1911, кн. 5), признавая себя практически слабо связаннымъ съ Украиной, такъ какъ воспитывался исключительно по-великорусски, тѣмъ не менѣе, побуждаемый не только сознаниемъ своего нравственнаго долга, а и бессознательной, инстинктивной любовью къ своему народу, вступаетъ за права украинскаго языка и самобытную роль украинства въ русской (не только великорусской и не только россійской) культурѣ. И вотъ, на это-то письмо почтенный редакторъ „Русской Мысли“, со свойственнымъ ему остроуміемъ и ученостью, даетъ рѣшительный отвѣтъ въ статьѣ, заглавіе которой выписано выше. Впрочемъ рѣшительнымъ можно назвать этотъ отвѣтъ почти только по его заключенію, въ которомъ авторъ взываетъ къ русскому прогрессивному общественному мнѣнію, побуждая его „энергично, безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ, вступить въ идейную борьбу съ „украинствомъ“, какъ съ тенденціей ослабить и отчасти упразднить великое приобрѣтеніе нашей исторіи — общерусскую культуру“. Таковъ конечный выводъ автора, несомнѣнно, очень рѣшительный, который можетъ оказаться еще болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ онъ самъ ожидалъ и желалъ, такъ какъ идейная борьба у насъ нерѣдко выходитъ за предѣлы предположенныхъ сферъ и теряетъ свой первоначальный характеръ. Но путь, которымъ авторъ приходитъ къ этому идейному „Aux armes, citoyens!“ , далеко не рѣшительный и опредѣленный, какъ могъ бы ожидать

тотъ, кто, прежде чѣмъ приступить къ чтенію его статьи, случайно заглянулъ бы въ ея конецъ. „Поблажекъ“ въ ней, правда, нѣтъ, по крайней мѣрѣ сознательныхъ, но „двусмысленности“ есть, хотя, конечно, также безсознательныя. Да и какъ обойтись безъ тѣхъ и другихъ русскому или какому-угодно публицисту, честному и гуманному, но, въ сущности, глубоко консервативному, когда онъ говоритъ объ явленіи новомъ, еще не вполнѣ опредѣлившимся, но, очевидно, крупномъ? О такомъ явленіи обѣимъ сторонамъ,—и сочувствующей, и враждебной ему,—трудно говорить безпристрастно, потому что для этого нужно отрѣшиться отъ нихъ обѣихъ, отрѣшиться отъ самого себя настолько, чтобы, предавъ полному забвенію свои сердечныя и умственныя привычки, для воспріятія будущаго заключенія образовать въ своемъ сознаніи *tabula rasa*. Такова точка зрѣнія чисто научная. Но это—идеаль, къ которому дай Богъ подойти хоть поближе, чѣмъ на то способно большинство.

П. Б. Струве, какъ истинный ученый, и старается доказать свою мысль научными данными, не ограничиваясь предѣлами своей специальности, а пуская въ дѣло также свѣдѣнія,—и весьма основательныя, и разнообразныя,—изъ исторіи литературныхъ языковъ. И все-таки я не могу согласиться съ нимъ даже въ чисто научныхъ частяхъ его статьи, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя доступны моему сужденію.

Къ сожалѣнію, въ самомъ началѣ своего возраженія я наталкиваюсь на вопросъ, несравненно лучше извѣстный почтенному автору, нежели мнѣ. А именно: на стр. 66 онъ обусловливаетъ возможность самостоятельной украинской культуры ни болѣе, ни менѣе, чѣмъ разрушеніемъ всего государственнаго и общественнаго уклада Россіи. Ужели для того, чтобы россійскіе украинцы получили право на свободное употребленіе своего языка, необходимо полное переустройство, если не конечное разрушеніе Россійской имперіи? При моей малой освѣдомленности въ политическихъ наукахъ, мнѣ остается ждать рѣшенія этого страшнаго вопроса отъ знатоковъ государственнаго права; но до тѣхъ поръ я позволю себѣ, хотя бы лишь для собственнаго успокоенія, предложить другой вопросъ и посылить на него отвѣтить: почему Петръ Великій переиме-

новаль царство Московское въ Россійскую имперію, а, на примѣръ, не въ Россійское королевство? Потому, что Россія гораздо больше западныхъ королевствъ,—это, конечно, было одной изъ причинъ присвоенія ей названія имперіи. Но не было ли и другой причины, болѣе глубокой? Ближайшимъ образцомъ ему служила въ этомъ случаѣ священная Римская имперія, т.-е. въ то время приблизительно, Австрія безъ польскихъ земель, но съ итальянскими, глава которой носилъ титулъ германскаго императора. Совпадавшая нѣкогда съ нею Германская имперія, отчасти фактически, отчасти юридически, охватывала нѣсколько самостоятельныхъ владѣній — королевскихъ, велико-герцогскихъ, герцогскихъ и друг. — и нѣсколько народностей. Такое разнообразіе составныхъ частей и давало государству право на званіе имперіи. Именно на этомъ основаніи король Пруссіи, занявшей послѣ войны 1870—1871 гг. первенствующее мѣсто въ ряду многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ, называется германскимъ императоромъ. Потому же и англійскій король, въ качествѣ властителя иноплеменной и разноплеменной Индіи, пользуется титуломъ императора. Къ началу XVIII в. Царь и Великій Князь всея Руси, владѣвшій Великой и Малой Россіей, царствами Казанскимъ, Астраханскимъ и Сибирскимъ и разными дикими „землями“ съ весьма пестрымъ населеніемъ, могъ поэтому безъ всякихъ натяжекъ заявить претензіи на императорскій титулъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Петръ, провозглашая себя императоромъ, ясно сознавалъ значеніе этого титула, указывающаго на такое разнообразіе составляющихъ Россійскую имперію областей, которое необходимо предполагаетъ и разнообразіе бытового, общественнаго, административнаго и отчасти даже государственнаго уклада. Во всякомъ случаѣ о томъ, что „историческое призваніе Россіи—обрусить все не-русское и оправославить все не-православное“, какъ было недавно заявлено въ Государственномъ Совѣтѣ, Петръ Великій не помышлялъ, да не думали объ этомъ и его преемники до половины 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, если не считать довольно скромной по размѣрамъ проповѣди христіанства между язычниками. Начавшіяся съ той поры и все усиливающіяся стара-

ня о замѣнѣ всѣхъ народностей Россійскаго государства великорусской и всѣхъ вѣрѣ православіемъ, противорѣча идеѣ имперіализма, неминуемо должны вести къ разрушенію того кое-какъ складывавшагося общаго культурнаго тона, изъ котораго, при иномъ отношеніи къ составнымъ частямъ имперіи, могла бы въ самомъ дѣлѣ выработаться опредѣленная и прочная русская культура, не давящая племенные особенности, а непрестанно черпающая изъ нихъ свѣжія силы. Тогда разрѣшился бы самъ собою вопросъ объ обще-русскомъ литературномъ языкѣ, полагаемый П. Б. Струве во главу угла взаимныхъ культурныхъ отношеній двухъ многочисленнѣйшихъ вѣтвей русскаго племени.

Въ этомъ отношеніи многоуважаемый авторъ безусловно правъ, но онъ нѣсколько поторопился, признавъ такимъ общимъ языкомъ „языкъ Полнаго Собранія Законовъ, Пушкина, Гоголя и Льва Толстого“,—поторопился потому, что упустилъ изъ вида существованіе украинцевъ не-россійскихъ... Впрочемъ объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а теперь займемся взглядами автора на письменный языкъ.

Прежде всего указаніе на Полное Собраніе Законовъ не совѣмъ удачно, потому что въ этомъ сборникѣ встрѣчаются документы, написанные отнюдь не на языкѣ Пушкина, Гоголя и т. д. Послѣдній языкъ авторъ приравниваетъ къ греческой *κοινή*, т.-е. „общему языку“, каковымъ, по его словамъ, было нѣкогда іоническое нарѣчіе, позже—аттическое, нѣсколько измѣненное. И это вѣрно, однако выбранное авторомъ сравненіе представляетъ собою, можно сказать, палку о двухъ концахъ. Ионическое нарѣчіе, правда, употреблялось на письмѣ не одними іонянами, но районъ этого употребленія почти не выходилъ за предѣлы Малой Азіи съ близкими къ ней островами. По крайней мѣрѣ, такъ обстояло дѣло съ исторической и философской прозой, но не съ законами, которые во всѣхъ греческихъ государствахъ писались,—что и естественно,—на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Что касается поэзіи,—о которой П. Б. Струве не говоритъ,—іоническое нарѣчіе служило у всѣхъ грековъ языкомъ эпоса и элегіи, но въ качествѣ языка не „общаго“ въ точномъ смыслѣ этого слова, а свойственнаго лишь опредѣленному литературному роду. Особенность искусственной греческой поэзіи относительно языка состоитъ въ томъ, что, развившись всецѣло изъ поэзіи на-

родной, она—за естественнымъ исключеніемъ чисто личной лирики—удержала для каждаго изъ отдѣльныхъ своихъ родовъ нарѣчіе того греческаго племени, среди котораго данный родъ возникъ или особенно процвѣлъ. Это правило соблюдалось и послѣ IV в. до Р. Х., во время господства настоящей *koine*, ставшей исключительнымъ языкомъ греческой прозы.

Это искусственное нарѣчіе образовалось изъ аттическаго путемъ примѣси къ нему изъ другихъ нарѣчій и его діалектическаго обезличенія, но никогда не доходило до полнаго однообразія: не говоря уже о томъ, что между языкомъ Плутарха и Діонисія Галикарнасскаго и языкомъ Евангелія отъ Іоанна лежитъ цѣлая пропасть, почти у каждаго представителя этого „общаго“ языка въ письменности замѣчаются личныя особенности не только стилистическаго свойства. Вообще можно сказать, что это былъ языкъ скорѣе умственнаго общенія, чѣмъ литературнаго творчества. Зато въ III—IV в. по Р. Х., когда въ греческомъ мірѣ вновь пробудился интересъ къ изящной литературѣ, возникла многочисленная школа „аттикистовъ“, ученіемъ и примѣромъ проповѣдывавшая употребленіе аттическаго нарѣчія въ качествѣ литературнаго языка. Но, такъ какъ область греческаго языка была въ то время гораздо обширнѣе, чѣмъ въ пору процвѣтанія греческой литературы, а Аѣины утратили свое прежнее культурное значеніе, само собою разумѣется, что пользованіе аттическимъ нарѣчіемъ, да еще въ формѣ давно минувшихъ эпохъ Аристофана, Исократы и Демосѣена, могло быть доступно лишь небольшой сравнительно кучкѣ ученыхъ, и попытка аттикистовъ, несмотря на всѣ ихъ дарованія, не повела къ прочнымъ результатамъ.

Истинно литературнымъ языкомъ, т.-е. единообразнымъ и притомъ живымъ орудіемъ мысли, былъ латинскій языкъ въ западной части Римской имперіи, но и то преимущественно къ сѣверу отъ Італіи, въ странѣ безнадежно дикихъ и этнографически неустойчивыхъ кельтовъ; а въ Африкѣ и онъ получилъ специфическую мѣстную окраску. Нельзя, конечно, спорить о государственномъ-національномъ значеніи главныхъ литературныхъ языковъ современной намъ Западной Европы, на которые ссылается П. Б. Струве въ доказательство своего положенія о лишь

мѣстномъ значеніи украинскаго языка. Но его сравненія, какъ и даже не упомянутые имъ примѣры изъ этой области, подлежатъ нѣкоторымъ оговоркамъ. Нѣмцы (независимо отъ школы) говорятъ на такихъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ, понятныхъ притомъ лишь довольно мелкимъ частямъ населенія Германіи, что общій, болѣе или менѣе условный языкъ тамъ необходимъ просто для взаимнаго пониманія мекленбуржца съ баварцемъ, эльзасца съ саксонцемъ и т. д. Таково же положеніе въ Англіи, во Франціи, въ Италіи и въ Испаніи, гдѣ поэтому и установились опредѣленно сложившіеся, общіе всему населенію письменные языки, основанные на одномъ изъ мѣстныхъ нарѣчій, но обогащенные заимствованиями изъ другихъ нарѣчій и даже изъ чужихъ языковъ, живыхъ и мертвыхъ, и сознательно произведенными или выдуманскими словами и, такимъ образомъ, расширенные до пригодности къ свободному удовлетворенію общечеловѣческихъ умственныхъ потребностей. Стремленіе ко взаимному пониманію въ силу необходимости бываетъ такъ сильно, что, напримѣръ, на Кавказѣ, гдѣ невозможно остановиться на одномъ изъ коренныхъ мѣстныхъ языковъ, въ сношеніяхъ одного туземнаго народа съ другимъ прибѣгаютъ къ тамошнимъ языкамъ турецкимъ (ногайскому, кумыцкому и азербейджанскому) или, впрочемъ рѣдко, къ русскому.

Кое-гдѣ, кромѣ нарѣчій, есть или были и самостоятельные языки, родственные большинству мѣстныхъ нарѣчій, какъ ниже-нѣмецкій (Plattdeutsch) въ Германіи, провансальскій и каталанскій во Франціи и каталанскій же въ Испаніи, или совершенно иного происхожденія, а именно въ Англіи кельтскіе (кимрскій и шотландско-ирландскій), во Франціи кельтскій же (бретонскій) и баскскій, въ Испаніи баскскій. Изъ этихъ языковъ ниже-нѣмецкій Platt уже по числу говорящихъ на немъ не могъ выдержать борьбу съ книжнымъ верхне-нѣмецкимъ языкомъ, особенно послѣ Лютераго перевода Священнаго Писанія, который сдѣлалъ этотъ языкъ орудіемъ протестантства, распространившагося по всей сѣверной Германіи, въ томъ числѣ и по области языка ниже-нѣмецкаго. Но два другія ниже-нѣмецкія нарѣчія, внѣ Германіи, проникли и въ книгу: нидерландское стало самостоятельнымъ литературнымъ языкомъ Голландіи, а древнее англо-саксонское легло въ основу англійскаго

письменного языка. Провансальская и—въ меньшей степени—каталанская литературы на мѣстныхъ языкахъ существовали рядомъ съ французской почти до половины XIII в., въ началѣ котораго культура южной Франціи была сокрушена Альбигойскими войнами. Но испанскіе каталанцы пишутъ и теперь на своемъ родномъ языкѣ. Что касается кельтскихъ языковъ и баскаго, участь ихъ предрѣшена тѣмъ, что сами кельты и баски вымираютъ или перерождаются въ своихъ болѣе живучихъ сосѣдей, чего ужъ никакъ нельзя сказать объ украинцахъ (см., напр., статью проф. М. С. Грушевскаго „Украина и украинство“ въ № 1 „Украинской Жизни“).

Остается еще вопросъ о ново-греческомъ письменномъ языкѣ, такъ-называемомъ „чистомъ“ или, точнѣе, „содержащемъ себя въ чистотѣ“ (*καθαρεύουσα*). „Чистоты“ отъ варваризмовъ,—романскихъ, славянскихъ, турецкихъ, какими кишитъ живая ново-греческая рѣчь,—этотъ искусственный языкъ достигаетъ отчасти новообразованіями по древнему образцу (въ родѣ шишковскаго топталище—тротуаръ), отчасти сложными, болѣе или менѣе длинными и неуклюжими (какъ шишковское же мокроступы—калоши), отчасти приданіемъ условнаго значенія словамъ (какъ его же гуляка—фланеръ), а чаще всего употребленіемъ словъ давно забытыхъ (какъ его же омѣна—аллея). По беспомощности относительно иноязычныхъ словъ „чистый“ языкъ современныхъ намъ грековъ можно сравнить только съ книжными языками чеховъ, мадьяръ и финновъ (суоми). Но разговорная рѣчь этихъ народовъ, цѣня прежде всего простоту и общепонятность, далеко отстаетъ отъ примѣра ученыхъ писателей.

Не можетъ быть и спора о томъ, что всякій народъ, дорожащій національнымъ характеромъ своего языка, не только письменнаго, а и устнаго, долженъ воздерживаться отъ употребленія по крайней мѣрѣ излишнихъ варваризмовъ, каковы доминировать и превалировать, которыми наши газетчики, повидимому, щеголяютъ, и, напримѣръ, книжныя великорусскія предлагать и представлять, заимствованныя къ тому же изъ общаго всѣмъ православнымъ славянамъ церковно-славянскаго языка, идутъ къ украинской рѣчи гораздо лучше, нежели перенятая галичанами у поляковъ романскія по происхо-

жденію пропонувати и репрезентувати (вмѣсто которыхъ были бы также мыслимы во всякомъ случаѣ славянскія и даже употребительныя почти въ томъ же смыслѣ вносить и заступати). Но добиваться полнаго изгнанія иноязычныхъ словъ, особенно ставшихъ достояніемъ обще-европейской культуры, къ чему стремятся греческіе „чистотствующие“, есть дѣло безцѣльное и бесполезное, потому что, хотя вліяніе книжнаго языка на разговорный или „выравниваніе по высшему уровню“, какъ выражается П. В. Струве (стр. 77), не подлежитъ никакому сомнѣнію, разговорный языкъ никогда не откажется отъ тѣхъ варваризмовъ, которые находитъ болѣе удобными, чѣмъ ихъ доморощенные замѣны. И тѣ письменныя языки, которымъ не предназначено замереть въ душевной атмосферѣ ученаго кабинета, мало-по-малу демократизуясь (о чемъ говоритъ тамъ же почтенный авторъ), принимаютъ въ себя обратно кое-какіе изъ забракованныхъ книжниками варваризмовъ. А варваризмы бываютъ не только въ словарѣ, но и въ синтаксисѣ и во фразеологіи, и вотъ съ ними-то борьба особенно трудна. Но греческіе пуристы доводятъ свое рвеніе до того, что и новые обороты и формы стараются замѣнить древними, мечтая о возможно полномъ возвращеніи къ языку славныхъ, но, къ сожалѣнію, давно скончавшихся предковъ.

Сочувствовать приверженцамъ „чистаго“ ново-греческаго языка, зная его отношеніе къ разговорному, можетъ лишь тотъ, кто желалъ бы замѣнить нашъ нынѣшній литературный языкъ церковно-польско-русскимъ жаргономъ Симеона Полоцкаго. Впрочемъ, это сравненіе еще слабо: наши грамотеи XVII вѣка не гонялись за правильнымъ употребленіемъ давнымъ-давно заглохшихъ юсовъ и не требовали безусловно придуманной ими разстановки „варій“ и „оксій“, а греки, даже изъ числа поборниковъ разговорнаго языка, удерживаютъ древнее правописаніе все цѣликомъ, несмотря на коренное звуковое отличіе новаго языка отъ древняго, и потому ни одинъ грекъ, за исключеніемъ ученыхъ, не можетъ писать на родномъ языкѣ правильно, что легко провѣрить по письмамъ хотя бы самыхъ рьяныхъ ратоборцевъ „чистаго“ языка, не принадлежащихъ къ узкому кругу хорошихъ знатоковъ языка древняго.

Еще въ началѣ прошлаго вѣка ученый врачъ-филологъ

Иоаннъ Вилара предлагалъ употребленіе живой рѣчи въ качествѣ орудія литературы и придумалъ правописаніе, близкое въ основѣ къ тому, которое введено въ украинскую письменность Кулішемъ. Большинство ново-греческихъ поэтовъ писало и пишетъ на разговорномъ языкѣ, находя „чистый“ мертвымъ. Противъ послѣдняго возставали самые даровитые представители ново-греческой изящной литературы,—напримѣръ, извѣстный и въ Западной Европѣ авторъ остроумнаго романа „Папесса Иоанна“ Ройди, написавшій по вопросу объ языкѣ цѣлую книгу „Идолы“. Но мечты о возвратѣ древне-эллинской славы такъ сильны между греками, что поборники скованнаго по возможности на древній ладъ „чистаго“ языка, пользуясь глубоко сидящимъ въ грекахъ націонализмомъ, успѣшно поддерживаютъ свои стремленія, особенно въ реакціонно-консервативныхъ кругахъ, между которыми видное мѣсто принадлежитъ духовенству. Послѣднее нигдѣ не расположено къ новшествамъ, а греческое сверхъ того привыкло къ древнему языку, хотя и не класическому, совершая на немъ богослуженіе. Бунтъ студентовъ аѳинскаго университета въ 1901 г. изъ-за перевода Св. Писанія на новый языкъ не былъ даже направленъ противъ просторѣчія, а исходилъ изъ враждебности къ самой идеѣ замѣны „эллинскаго“ подлинника какимъ бы то ни было переводомъ. Вызвано было это волненіе приверженцами профессора древне-греческаго языка Конда, стремившагося чуть не къ полному воскрешенію „языка предковъ“. Аѳинскій скандалъ 1910 года тѣмъ менѣе можетъ быть оправданъ, что ново-греческій переводъ Новаго Завѣта существуетъ давно и печатается лондонскимъ Библейскимъ обществомъ съ аѳинскаго изданія 1855 года.

Здѣсь не мѣсто говорить о нѣкоторыхъ ошибкахъ поборниковъ просторѣчія, какъ и о томъ, единственно вѣрномъ пути созданія письменнаго языка, который былъ указанъ геніальнымъ Адамандіемъ Кораемъ, и потому поспѣшимъ подвести итоги этого длиннаго экскурса въ область „языковаго вопроса“ у новѣйшихъ грековъ: 1) относительная крѣпость положенія „чистаго“ ново-греческаго языка объясняется сильными клерикально-націоналистическими теченіями въ верхнихъ слояхъ греческаго народа; 2) вопросъ о книжномъ ново-греческомъ языкѣ не можетъ счи-

таться разрѣшеннымъ; 3) запретъ перевода Св. Писанія на новый языкъ не стоитъ въ непосредственной связи со споромъ о преимуществахъ „чистаго“ или „народнаго“ языка; 4) относительно украинскаго языка примѣръ языка новогреческаго не доказываетъ ровно ничего. Въ подтвержденіе послѣдняго вывода довольно было бы указать на то, что изъ ново-греческихъ нарѣчій нельзя выдѣлить такую однородную и притомъ огромную группу, какую представляютъ собою нарѣчія украинскія (малорусскія), которыя, вслѣдствіе обширности и разнообразія занимаемой ими территоріи, въ свою очередь распались на два крупныхъ отдѣла: сѣверо-западный и юго-восточный.

Доказывая неизбѣжность возникновенія обще-русскаго письменнаго языка, П. Б. Струве не сомнѣвается въ томъ, что, если бы Петръ Великій перенесъ центръ управленія изъ Москвы не въ Петербургъ, а въ Кіевъ, такой общій языкъ все-таки образовался бы, хотя не такой, какъ нынѣшній, а „съ гораздо большей примѣсью малорусскихъ элементовъ“ (стр. 68). Если такъ, не было бы, пожалуй, и „украинскаго вопроса“. Но любопытно узнать, каковы были бы эти примѣси: только ли лексическія, или также фонетическія, морфологическія и синтаксическія. Первыя сравнительно безразличны, и при нихъ дѣло представилось бы приблизительно въ его настоящемъ положеніи, но прочія подвергли бы опасности весь характеръ языка, его національную, т.-е. великорусскую, фізіономію, противъ чего возстала бы вся великорусская часть населенія и, создавъ себѣ особый письменный языкъ, предоставила бы Украину въ этомъ отношеніи самой себѣ, чѣмъ послѣдняя и воспользовалась бы для освобожденія своей рѣчи отъ сѣвернаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, изъ помѣси великорусскаго языка съ украинскимъ вышло нѣчто въ родѣ того „отвратительнаго русско-малорусскаго волапюка“ (стр. 67), все шире разливающагося по городамъ нашихъ южныхъ губерній, въ которомъ насъ удивляютъ не только чуждыя намъ слова и странные обороты, а и превратное значеніе хорошо извѣстныхъ намъ словъ, объяснимое уже не украинскимъ вліяніемъ самимъ по себѣ, а разными иноязычными воздѣйствіями на сбитое съ толку сознаніе своего и чужого въ рѣчи; таковы новороссійскія *нанятъ*—отдать въ наймы (малор. *віддати в найми*, но франц. *louer*—1) нани-

мать, 2) отдавать въ наймы), з а н я т ь=дать въ долгъ (малор. позичити), з а п о м н и т ь=запамятовать, забыть (малор. з а б у т и, но польское *zaropnieé*), о д ѣ т ь=надѣть (малор. н а д я г т и, но часто уже и о д я г т и въ томъ же смыслѣ), г у л я т ь=вести себя безъ стѣсненія, какъ дома (значеніе, на Украинѣ, кажется, неизвѣстное), с р я д у=непосредственно, тотчасъ (малор. п р о с т о, з а р а з).

Такой обезличенный, варварскій языкъ-ублюдочъ способенъ не обогащать „обще-русскій“ языкъ, какъ думаетъ П. Б. Струве (стр. 67), а лишь портить оба русскіе языка,— и сѣверный, и южный,—что и замѣчается на дѣлѣ. Языкъ Чехова и Короленко, на которыхъ онъ ссылается, вездѣ, гдѣ они не отступали сознательно отъ принятой ими нормы, есть чистый великорусскій, не менѣе правильный, но болѣе обработанный, чѣмъ у Достоевскаго и у Толстого, чего нельзя сказать объ языкѣ Гоголя, поставленномъ почтеннымъ авторомъ на одну доску съ языками Пушкина и Тургенева. Во всякомъ случаѣ, бессарабско-херсонская мѣшанина, на которую неизбѣжно былъ бы похожъ великорусскій языкъ „съ гораздо большей примѣсью малорусскихъ элементовъ“, не могла бы служить орудіемъ истинной культуры, потому что черезчуръ сильно пахнетъ безсознательнымъ и бессмысленнымъ „выравниваніемъ по высшему уровню“, равнодушнымъ не только къ мѣстнымъ различіямъ внутри той же національности, а къ національности вообще.

То единеніе Сѣвера и Юга Россіи въ письменномъ языкѣ, которое нашло себѣ краснорѣчиваго защитника въ лицѣ П. Б. Струве, затрещало по шву уже тогда, когда И. П. Котляревскій написалъ свою „Энеиду“. Съ тѣхъ поръ шевъ расплозся такъ, что внушаетъ опасенія за свою цѣлость. Причины этого, можетъ-быть, прискорбнаго, но безусловно естественнаго явленія довольно извѣстны, да о нихъ еще придется поговорить ниже. Въ данномъ случаѣ нельзя возлагать надежды на то, что, какъ справедливо говоритъ авторъ (стр. 71), поглощеніе „діалектовъ“ есть процессъ стихійный по условіямъ государственнымъ, культурнымъ и экономическимъ. *Языкъ Малой Россіи можетъ быть названъ діалектомъ лишь по отношенію къ тому доисторическому языку, на которомъ говорили русскіе славяне до своего рѣшительнаго раздѣленія на три вѣтви. Относительно

этого русскаго пра-языка и великорусскій языкъ есть диалектъ. По отношенію къ послѣднему малорусскій языкъ есть языкъ. Какъ таковой, онъ, въ свою очередь, раздѣляется на нарѣчія и говоры, совершенно независимые отъ нарѣчій и говоровъ великорусскихъ. При этомъ число говорящихъ доходитъ почти до 30,000,000, и эти люди,—что весьма важно,—находятся въ отличныхъ отъ великороссовъ политическихъ условіяхъ, такъ какъ живутъ не въ одномъ государствѣ. Была у нихъ и собственная культура, и не въ незапамятныя времена, а приблизительно до половины XVIII вѣка. Былъ у нихъ и свой письменный языкъ, первоначально какъ у нѣмцевъ и великороссовъ, языкъ приказный, но впослѣдствіи перешедшій и въ богословіе, и въ лѣтопись, и даже въ поэзію и въ разговоръ образованныхъ слоевъ общества. Правда, въ этомъ языкѣ было немало бѣлорусской и польской примѣси, отъ которой, на примѣръ, Мазепа не могъ отдѣлаться ни въ стихахъ, какъ въ извѣстной думѣ „Всі покою щиро прагнуть“ (польск. pragną=жаждутъ), ни въ любовныхъ посланіяхъ къ Мотрѣ Кочубіевнѣ, заканчивавшихся перепиской: „Цілую всі твої члонки“ (польск. członki=члены). Этотъ условный языкъ съ національной точки зрѣнія долженъ быть поставленъ ниже приказнаго языка Московскаго государства, но ; нельзя сомнѣваться въ томъ, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. хотя бы такихъ, чтобы весь украинскій народъ входилъ въ составъ одной державы, языкъ украинской письменности XVI—XVIII вв. очистился бы такъ же, какъ языкъ Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ. Зато культура малорусская стояла нѣкогда настолько выше великорусской, что въ XVII вѣкѣ ученые выписывались въ Москву изъ Украины.

Мы, господствующее племя, все это забыли или, точнѣе говоря, предпочитаемъ забывать каждый разъ, какъ отъ исторіи переходимъ къ выводамъ изъ нея; а украинцы помнятъ. Помнить, конечно, не безграмотное крестьянство; а интеллигенція; но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что заостреніе вопроса о самостоятельной украинской культурѣ есть дѣло только интеллигенціи, какъ увѣряетъ авторъ (стр. 70): что такое интеллигенція, особенно такая демократичная, какъ наша? Какъ бы ни казалась она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаленной отъ народнаго большинства, ея отличіе отъ него

состоить лишь въ большей культурности и, слѣдовательно, сознательности, а характеръ этой культурности и направленіе этой сознательности идутъ изъ низовъ.

И вотъ украинская интеллигенція подноситъ намъ грозный счетъ: „Въ XVII в. Павелъ алеппскій былъ пораженъ множествомъ грамотныхъ на Украинѣ, а въ XX в. военное министерство свидѣтельствуетъ, что процентъ безграмотности между украинскими новобранцами доходитъ до 75“. Послѣ этого какъ-то совѣстно повторить за авторомъ, что начальная школа должна „пріобщить къ органу русской культуры, русскому языку“ (стр. 71). Это понимаютъ и всѣ російскіе украинцы, отъ профессора до послѣдняго мужика; но, не говоря уже о томъ, что главная задача начальной школы состоитъ въ развитіи человѣческихъ способностей учениковъ, при такомъ паденіи какой бы то ни было грамотности въ пору говорить не о „пріобщеніи къ органу русской культуры“, а скорѣе о сомнительности существованія „русской культуры“, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ культуры обще-русской. Вѣрно, что культурное объединеніе Малороссіи съ московско-петербургской Россіей основано не на одномъ политическомъ насиліи (стр. 74); но вѣдь не менѣе вѣрно и то, что толчкомъ къ такому объединенію послужило объединеніе политическое, въ которомъ роль свободной воли была значительно ограничена тогдашнимъ положеніемъ Украины. „Культурное объединеніе“ Великой и Малой Россіи, въ которомъ первая взяла верхъ, началось лѣтъ черезъ сто послѣ политическаго, когда прежняя украинская культура,—не только духовная, а и бытовая и экономическая,—была подавлена московско-петербургской государственностью. Что здѣсь не обошлось безъ насилія, о томъ и спора не можетъ быть, а эта доля насилія, какъ бы наши историки и публицисты ни старались уменьшить ее въ своихъ писаніяхъ, повела и къ пригнетенію нравственному, послѣдствія котораго для украинскихъ торговли и промышленности ярко изображены И. Аксаковымъ въ обширныхъ выпискахъ изъ его книги объ украинскихъ ярмаркахъ, приведенныхъ авторомъ на трехъ страницахъ (72—74).

Аксаковъ правъ, конечно, въ томъ, что великороссъ по этой части заткнулъ „хохла“ за поясъ; но не слѣдуетъ забывать то, что первый развилъ свои промышленныя спо-

способности на племенахъ низшей культуры, а второй, прежде чѣмъ дошелъ до сколько-нибудь прочной общественной организаци, былъ парализованъ въ своей предприимчивости предложеніемъ со стороны поляковъ и нѣмцевъ, превосходившихъ его культурою, и со стороны изворотливыхъ и выносливыхъ евреевъ, отъ которыхъ великороссы даже въ наше время считаютъ нужнымъ защищать свои экономическіе интересы чертой еврейской осѣдлости. Останется ли украинецъ такъ же слабъ въ этомъ отношеніи на вѣчныя времена,—это такой вопросъ, на который едва ли кто сумѣетъ отвѣтить. Что же сказать о такомъ ходѣ мыслей, при которомъ не только дается на него отвѣтъ утвердительный, но и строится на этомъ отвѣтѣ заключеніе для дальнѣйшаго непризнанія духовныхъ потребностей чуть не 25,000,000 людей? Для удовлетворенія этихъ потребностей П. Б. Струве считаетъ за глаза достаточнымъ кое-какія поблажки употребленію мѣстнаго языка въ украинскихъ школахъ (стр. 84) и „украинофильство“ въ противоположность „украинству“ (тамъ же).

Объ украинофильствѣ, какъ его понимаетъ авторъ, я не считаю нужнымъ говорить послѣ того, что сказано Старымъ Украинцемъ въ январской книжкѣ „Украинской Жизни“, стр. 48—49. Можетъ быть, въ виду того же продуманнаго и остроумнаго отвѣта на статью П. Б. Струве мнѣ было бы лучше оставить безъ возраженій и нѣкоторые другіе вопросы, задѣтые этимъ ученымъ публицистомъ. По вопросу о мѣстномъ языкѣ въ украинскихъ начальныхъ училищахъ я прибавлю къ уже высказаннымъ другими соображеніямъ только слѣдующее. П. Б. Струве отказывается отъ сужденія въ этомъ дѣлѣ по той причинѣ, что онъ не педагогъ. Объ этомъ отказѣ слѣдуетъ очень и очень пожалѣть, потому что вопросъ объ языкѣ преподаванія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей украинскаго вопроса вообще, а причина отказа едва ли существенна: нѣтъ необходимости въ педагогической опытности тамъ, гдѣ нужно лишь знаніе отличій украинскаго языка отъ письменнаго великорусскаго и нѣкоторое воображеніе, которое поможетъ представить себѣ недоразумѣнія отъ „качки“ (утки), отъ „веселья“ (свадьбы), отъ „дурного“ (глупаго, напраснаго), отъ „бани“ (купола), отъ „мѣста“ (города), отъ „плота“ (забора) и отъ многаго другого, отчасти худшаго.

Духовныя потребности украинскаго народа не выдуманы его новѣйшей интеллигенціей. Какъ уже было замѣчено выше, не по силамъ ей одной, да и незачѣмъ „сознательно работать надъ созданиемъ національности и широкой національной культуры“ (П. Б. Струве, стр. 82); шире ли будетъ украинская культура, чѣмъ была при Богданѣ Хмельницкомъ,—вопросъ особый, а наличность украинской національности можетъ казаться сомнительной только тому, кто не имѣетъ о ней никакого понятія. Какъ сознательно и какъ любовно относились украинцы къ своей національности еще въ давнее время, видно, на примѣръ, изъ того, что Евангеліе переведено у нихъ на народный языкъ въ XVI в. Впрочемъ, авторъ, повидимому, вмѣняетъ грекамъ въ заслугу запретъ такого вольнодумства...

Статья глубокоуважаемаго П. Б. Струве такъ богата содержаніемъ, что о ней можно написать цѣлую книгу. Но авторъ самъ себѣ возразилъ косвенно на многое тѣмъ, что вспомнилъ о Галиціи лишь за три страницы до конца своего обширнаго разсужденія, а не прежде, чѣмъ началъ писать его. На стр. 83 онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что въ Галиціи малорусскій языкъ имѣетъ, правда, самостоятельное значеніе, но это лишь потому, что тамъ нѣтъ почвы для „общерусскаго языка“. Какой ударъ москалефиламъ! И отъ кого же? Отъ убѣжденнаго рыцаря того самаго языка, за который они ссорятся со всѣми своими соплеменниками! Въ томъ-то и бѣда безусловныхъ проповѣдниковъ московско-петербургскаго „общерусскаго“ языка, что подъ-бокомъ у россійской Украины, за едва замѣтной чертой австрійскаго рубежа, украинскій языкъ пользуется совершенной самостоятельностью, служить орудіемъ не какой-нибудь бытовой, а полной литературы, употребляется для преподаванія всякихъ наукъ не только въ низшихъ, а и въ среднихъ и даже высшихъ училищахъ и все болѣе проникаетъ въ оффиціальныи обиходъ. При такомъ положеніи дѣла трудно говорить о малорусской культурѣ какъ о „мѣстной, областной“ (стр. 66), понятенъ „воинствующій характеръ нашего украинскаго „партикуляризма“ (стр. 69), не кажутся чѣмъ-то похожимъ на бредъ университетскіе курсы на украинскомъ языкѣ (стр. 71), объяснима перемѣна во взглядахъ Драгоманова по переселеніи въ Галицію (стр. 74—75). Все это и многое

другое въ томъ же родѣ представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что мы сами, великороссы, своимъ несправедливымъ отношеніемъ къ малороссамъ придали Галиціи ореолъ обѣтованной земли украинства.

Сваливать всю вину въ этомъ на правительство было бы клеветой: къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ либераловъ, готовые всегда заступиться за права любой не-русской народности въ Россійскомъ государствѣ, словно не могутъ признать такія же права за народностью украинской, малорусской. Статья П. Б. Струве тѣмъ и заслуживаетъ особаго вниманія, что между нашими передовыми людьми такъ думаетъ не одинъ онъ. По этой же причинѣ она можетъ лишь усилить недовѣріе украинцевъ къ нашей интеллигенціи и ихъ преклоненіе передъ всѣмъ австрійско-украинскимъ, не исключая тамошняго письменнаго языка съ его чуждыми нашей украинской рѣчи особенностями. Намъ, господствующей россійской народности, это прискорбно и само по себѣ, и потому, что мы сами виноваты въ появленіи той опасности, къ отраженію которой насъ призываетъ П. Б. Струве. Но тѣмъ, что онъ предлагаетъ, ее можно не отразить, а лишь увеличить.

Что же дѣлать съ украинцами? Остается одно: дать имъ культурную свободу. Образуютъ они свою собственную культуру, не боящуюся напора культуры великорусской,— ихъ счастье, а въ противномъ случаѣ они подчинятся великорусской культурѣ, но уже добровольно, сознательно, безъ всякаго озлобленія.

Ө. Коршъ.
